

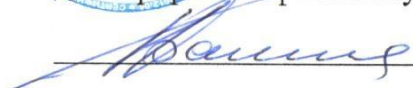

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»,

доктор философских наук, профессор

 Ю.Д. Гранин

«12» февраля 2016 г.

ОТЗЫВ

ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертационной работе

Пожарова Алексея Игоревича «Трансформации христианского

эсхатологического мифа в современном

медиакультурном пространстве»,

представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии

по специальности 24.00.01 - Теория и история культуры

Круг тем в различных сегментах массовой и элитарной культуры, связанных с эсхатологией, получил особенно широкое распространение после Второй мировой войны в литературе экзистенциализма, сформировавшейся на рубеже 50-60-х гг. и последовавшей культуре постмодернизма. Весомый вклад в новый облик старого мира внесли и процессы секуляризации и последовавшая за ними переоценка системы ценностей, утративших христоцентрическую подоплеку. Для культуры, в том числе и экранной, в современном состоянии весьма характерно, что связи прежних сегментов (кино, телевидение, литература) и новых (интернет, компьютерные игры) значительно усложнились. Многие бродячие мотивы теперь приобретают подчеркнутую универсальность.

Значительное число кинолент о разрушении или необратимом изменении окружающей нас привычной Вселенной даже позволило ввести в обращение термин «фильм-катастрофа», характеризующий их как отдельный кинематографический жанр (самые яркие его примеры — «2012»,

«Армагеддон», «Послезавтра», «Война миров», «Цунами», «Судный день»), а футурологические постапокалиптические ленты (трилогия «Матрица», тетралогия «Терминатор» и др.) описывают жизнь уже после необратимых катастрофических изменений, спровоцированных деятельностью человека.

В свою очередь, в популярной художественной литературе в ответ на неопределенность современности множатся виртуальные вселенные, включая попытки моделирования эсхатологических событий в рамках параллельной реальности. Так, в последнем десятилетии XX в. одним из наиболее популярных литературных жанров стало фэнтези, фактически полностью вытеснив из авангарда продаж научную фантастику, и такое положение дел точно определяет вектор развития современной массовой литературы.

Во вселенной компьютерных игр, без которых немислима современная массовая культура, наибольшей популярностью также пользуются проекты, погружающие пользователя либо в посткатастрофический мир, либо в альтернативные миры. Самая известная из многопользовательских игр World of Warcraft непосредственно перекликается со вселенными Льюиса и Толкиена, а наиболее успешная в кассовом смысле игра, разработанная на постсоветском пространстве — S.T.A.L.K.E.R., — отражает страхи, потрясшие общество позднего СССР в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, ретроспективно воспринимаемой многими как провозвестник крушения СССР, что в неомифологическом сознании отражается как начало крушения миропорядка и вселенской катастрофы.

Таким образом, эсхатологическая проблематика, в особенности христианские религиозные основания ее, нуждаются в комплексном, междисциплинарном исследовании. В этой связи актуальность и новизна выбранной Пожаровым А. И. темы сомнений не вызывает.

Структура работы, логика изложения материала обусловлены целью и задачами, поставленными автором. Диссертационное исследование состоит

из введения, 2 глав (7 параграфов), заключения и списков (литературы, фильмов и компьютерных игр).

Во **Введении** обоснована актуальность и степень научной разработанности темы исследования, поставлена научная проблема, сформулированы цель и задачи исследования, его объект и предмет, обозначены методологические принципы работы и основные положения, выносимые на защиту, определены научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В **главе 1 «Анализ эсхатологической проблемы»** показаны генезис и структура эсхатологического мифа. В **параграфе 1.1 — «Понятие эсхатологии»** — рассматривается круг вопросов, связанных с предметным определением эсхатологии, дается типология подходов к представлениям об эсхатологии, включая древний мифологический, общерелигиозный, авраамически-иудейский, христианский и др. Все более широкое распространение эсхатологических взглядов в настоящее время объясняется значительным усложнением социокультурного и социополитического контекста. Вместе с тем интерес к разработке эсхатологической проблематики в различных сегментах культуры, отмечает автор, способствует символическому преодолению ужаса как экзистенциального феномена.

В **параграфе 1.2 — «Миф как способ исследования эсхатологической проблемы»** — автор рассматривает такие значительные по степени своего влияния на научное сообщество подходы в исследовании мифа, как концепция о функции мифа в социуме М. Элиаде, уделено внимание концепциям А. Лосева и Р. Барта. Данные подходы, по мнению исследователя, наиболее полно раскрывают механизм функционирования архетипических мифологем в современной культуре. За основу берется определение Лосева, считавшего мифологическое мышление системой, отвергающей индивидуальный смысл и передающей в своих проявлениях

смысл архетипический, что позволяет проследить преемственность структурных особенностей эсхатологического мифа в исторической перспективе с древнейших времен до наших дней. Учтены и взгляды М. Элиаде, рассматривавшего укорененность мифологического сознания в коллективном восприятии. Движущей силой для разворачивания диссертационного исследования стала концепция семиологической системы Р. Барта, в рамках которой изучается эсхатологический миф как таковой (как сообщение), и миф используется как метод, как язык, помогающий разобраться в непростой эсхатологической проблематике.

Рассмотрение ключевых концепций генезиса мифа приводит автора к закономерному выводу, что миф является сложной семиотической системой, которую можно подвергнуть анализу и выявить в ней определенную структуру. Миф можно рассматривать как попытку присвоения значения любому означаемому, которое человек считает важным. И это напрямую касается эсхатологической проблематики.

В параграфе 1.3. — «Эсхатологический миф и его структура в разных культурах, начиная с древнейших времен» — дается краткий обзор трансформации эсхатологического мифа на материале праиндоевропейской, зороастрийской и скандинавской систем. В рамках данных эсхатологических моделей выявляются архетипические сюжеты и образы: рай, ад, чистилище, посмертные муки, воскресение, Последняя битва, Страшный суд, конец мировой истории, воскресение мертвых, посмертное воздаяние праведникам и грешникам, созидание нового совершенного мира). Данные аспекты мифа типологически включены в состав и христианской мифологической традиции.

В подпараграфе 1.3.1 — «Ветхозаветный эсхатологический миф» — рассматривается эсхатология иудаизма как источник христианской эсхатологии. Выявляется центральная символическая доминанта данной системы - Мессии, 'помазанника', который восстановит царство Израиля и

соберет находящийся в рассеянии еврейский народ воедино, после чего на земле воцарится вечный покой и благоденствие. В параграфе подробно проанализированы основные эсхатологические сюжеты и образы из книг пророков Амоса, Осии, Исаии, Иоилия, Иеремии, Иезекииля, Даниила на предмет наличия эсхатологических архетипических сюжетов.

В подпараграфе 1.3.2. — «**Структурная схема индоевропейского и ветхозаветного эсхатологических мифов**» исследуется указанная выше последовательность архетипических сюжетов. Выявлены ключевые образы всеобщий упадок, разделение человечества на две неравные части — праведников и грешников, участь первых в преддверии катастрофы ужасна, но впоследствии станет благой, тогда как вторые пока торжествуют, но позднее будут наказаны; центральным пунктом эсхатологического архетипа является описание Последней Битвы как события, завершающего мировую историю и придающего ей смысл; происходит преобразование нынешнего мира через огненное очищение и возрождение в новом качестве. Справедливое воздаяние грешникам и праведникам сообразно их заслугам. Важнейшей темой в иудейском эсхатологическом мифе являются мессианские ожидания, в последствии воплощенные в христианской религиозной традиции.

В параграфе 1.4. — «**Христианский эсхатологический миф**» — рассмотрена структура имеющей остро выраженную эсхатологическую направленность христианской парадигмы. Христианская апокалиптика явилась логическим продолжением иудейских эсхатологических представлений. Автор подчеркивает, что значительное влияние христианства на Западную культуру, его укорененность в искусстве обусловлено в значительной мере его персонализмом. Эсхатология христианства во многом эсхатология конкретной личности, ищущей спасения.

В подпараграфе 1.4.1 — «**Концепция христианской эсхатологии**» — рассматривается корпус священных текстов Нового завета. Отмечается, что

особый интерес представляет эсхатология книги Откровения от Иоанна, в которой суммируются все эсхатологические мотивы Ветхого и Нового Заветов, формируя целостную и одновременно сложную картину.

В параграфе 1.4.2 — «Синтактика и образы христианского эсхатологического мифа. Кенозис как характеристика мессиологической уникальности Христа» — с опорой на структурную схему, выстроенную при рассмотрении ранее описанных в исследовании эсхатологических мифов, строится подобная ей схема применительно к христианскому эсхатологическому мифу. Выделены следующие функциональные элементы данной системы: 1. происходит искажение миропорядка, наступает хаос, активизируются силы зла, 2. наступает Последняя Битва, 3. показан образ грядущего преображенного мира. Эти архетипические сюжеты можно экстраполировать на весь состав христианских эсхатологических представлений, отраженных, в частности, и в современной культуре.

Параграф 1.5 — «Прагматика христианского эсхатологического мифа» — посвящен рассмотрению места этого мифа и его единичных архетипических сюжетов в системе культуры и начинается с классификации культур по степени активности в них эсхатологического мифа.

В подпараграфе 1.5.1 — «Формы существования иудеохристианских эсхатологических представлений в культуре: мессианство, миллениаризм и апокалиптизм» — рассмотрены специфические религиозные феномены, которые возникли и развивались в рамках религиозно-мифологического дискурса указанной религиозной традиции.

В подпараграфе 1.5.2 — «Эсхатология ожидания и реализованная эсхатология» — автор осуществляет демаркацию между реализованной и ожидаемой эсхатологией.

Глава 2 «Христианский эсхатологический миф в современной медиакультуре» посвящена исследованию рецепции рассматриваемой

мифологической традиции в таких формах современной культуры, как авторское/фестивальное кино, жанр фильма-катастрофы в коммерческом кинематографе, литература жанра фэнтези, компьютерные игры в эстетике постапокалиптики.

В параграфе 2.1. — «Христианские эсхатологические сюжеты в медиакультуре» — дается описание и классификация наиболее распространенных в массовой культуре эсхатологических сюжетов.

В подпараграфе 2.1.2 — «Эсхатология ожидания в современной медиакультуре» на материале фильмов «Меланхолия» (реж. Л. фон Триер) и «Песни со второго этажа» (реж. Р. Андерссон) автор пытается определить основной вектор трансформации эсхатологии ожидания в поле современной медиакультуры в сторону смыкания общей и частной эсхатологии.

В подпараграфе 2.2 — «Реализованная эсхатология и апокалиптика в современной медиакультуре. Фильмы-катастрофы» — на материале ряда значительных кинопроектов последних лет рассматриваются механизмы манифестации христианского эсхатологического мифа, описывающего катастрофическое разрушение привычного миропорядка. В подпараграфе производится обзор распространенных сюжетов, таких как катастрофа космического характера («Армагеддон», 1998), вторжение инопланетян («Поле битвы — Земля», 2000) и др. Автор отмечает, что данные мотивы базируются на христианских архетипических сюжетах, однако в контексте современного массового сознания апокалиптические образы играют иллюстративную, шаблонную роль.

В подпараграфе 3.2.3. «Мессиологический сюжет в эклектичном современном эсхатологическом мифе» — на примере популярного произведения массовой литературы жанра фэнтези — серия романов о Гарри Поттере — выявляет значительное количество христианских аллюзий, включающих фактически всё евангельское повествование — от Благовещения

до Воскресения. Отмечается жизнеспособность христианского мессиологического архетипа, однако что фигура Христа как мессии замещается различными комбинациями героического или инициационного архетипического сюжета.

В параграфе 2.2 — **«Постапокалиптика в современной медиакультуре»**. делается попытка осмысления существования современного человечества, пережившего апокалиптическую катастрофу.

В подпараграфе 2.2.1 — **«Зомби-апокалипсис»** - рассматривается популярный в массовой культуре мотив воскресения людей в виде оживших мертвецов-зомби. Данные фильмы представляют собой наглядный пример трансформации христианской эсхатологической тематики. Идея Страшного суда и воскресения обесмысливается, по сути помещая человека в момент бесконечного Страшного суда без фигуры Судьи, бесконечное Чистилище без надежды покинуть его.

В подпараграфе 2.2.2. **«Псевдосредневековье в саге Дж. Мартина «Песнь льда и огня» и в фильме А. Германа «Трудно быть богом»** - выявляются характеристики, артефакты современной медиакультуры, позволяющие ввести образы пространства культуры Средневековья как специфического, условного культурного универсума, в котором эсхатологическая проблематика получила особое сильное укоренение. Псевдосредневековые вселенные в данных произведениях отличают общие черты: цивилизационная статичность мира; сложные временные циклы; эклектичность; нравственно-ценностный круг явлений, характеризующих героев сводится к страху перед будущим и неопределенностью, абсурдной, бессмысленной жестокости.

В подпараграфе 2.2.3. **«Трансформация эсхатологического мифа в компьютерной игре S.T.A.L.K.E.R. и во вселенной «Метро 2033»** - на материале компьютерных игр и массовой литературы выявляется характерная для современности инверсия христианского эсхатологического

мифа. Художественные миры в данных произведениях представляют собой безнадежный апокалипсис без Христа. Здесь находят свое отражение декларируемые в современном обществе добродетели — стремление к абсолютной свободе как противовес христианскому смирению, стремление к гедонизму как противовес христианской аскетике, стремление к конкретизации целей в противовес сложности и неоднозначности христианской этики.

В Заключении представлены выводы, позволяющие считать положения, выносимые на защиту подтвержденными.

Наряду с достоинствами работы были замечены следующие недостатки.

Следует уточнить тезис автора о «принципе методологической нейтральности» (с.13) исследования. Данный принцип сам по себе есть одно из основных отличий (необходимых оснований) научного мировоззрения от бытового, религиозного, мифологического и пр.

В уточнении нуждается введенное определение понятие системного подхода, который, как отмечает диссертант, является «подходом, позволяющим охватить все методы исследования» (с.13).

Следует уточнить обзорную литературу, источники, на которую опирался автор в ходе анализа архаических мифологических систем, в параграфе «2.1. Эсхатологический миф и его структура в разных культурах, начиная с древнейших времен».

Приведенные замечания носят частный методологический характер и не отражаются на оценке уровня исследовательского подхода или достигнутых результатов, полученных в рамках данной работы.

Автореферат и указанные публикации диссертанта в полной мере отражают содержание диссертационного исследования.

Диссертация соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к работам данного рода, является самостоятельным, оригинальным научным

сочинением. Диссертант заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата культурологии, специальность 24.00.01 - «Теория и история культуры».

Отзыв составил кандидат философских наук, заведующим кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии М.Ф. Казюциц.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры истории и философии науки Академии медиаиндустрии. Протокол № 5 от 11 февраля 2016 года.

Казюциц Максим Федорович

кандидат философских наук,
заведующий кафедрой истории и философии науки
ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»
(127521, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2,
тел.: (495) 602-67-26)

подпись заверяю
Зав. отделом кадров
Самарцева
15.02.2016 Е.А. Самарцева

